

Топонимический словарь «Географические названия Чехословакии», подготовленный известными ономастами И. Люттерером (материалы по Чехии), М. Майтаном (материалы по Словакии) и Р. Штрамком (материалы по Моравии и Силезии), включает 1187 словарных статей. Отбор названий произведен по современной либо исторической значимости объектов, но отдельные топонимы включены в словарь потому, что они «имеют интересную этимологию или репрезентируют некоторые из основных топонимических типов» (с. 9—10). Подавляющее большинство статей посвящено ойконимам. Рассмотрены именованные всех городов (у больших городов также и названия их частей), многих местечек и населенных пунктов сельского типа. Из других топонимических классов довольно широко отражены названия рек и гор.

Отбор материала в словаре хорошо продуман и вполне оправдан. Представляется уместным и введение наряду со статьями, описывающими историю названия (или названия) отдельного географического объекта, также статей, обобщающих все случаи употребления определенного топонима, какова, например, статья о самом частотном в Чехословакии ойкониме *Lhota* (489 случаев употребления). Но вот отсутствие анализа названий *Cechy*, *Slovensko*, *Slezsk*, также и *Československo* нельзя расценить иначе, как ощутимую лакуну исследования, тем более — изданного массовым тиражом и ориентированного на широкий круг читателей. Из крупнейших хоронимов Чехословакии в словаре рассмотрено лишь название *Morava*, да и то попутно, в статье об исходном речном именовании. Вероятно, уместна была бы и статья об этимологически очень сложном орониме *Sudety*, который лишь упоминается (с. 133), но не анализируется.

Словарные статьи построены добротнo, основательно. После заглавного слова — топонима в его современном написании — дается очень краткое определение соответствующего географического объекта и его локализация. Прочие сведения об объекте и его истории используются в словарной статье лишь в той мере, в какой это необходимо для толкования топонима. А толкование это начинается с истории — с основания либо первого упоминания объекта. Далее по документам приводятся основные формы названия и комментируется их динамика, приводятся к ныне употребительной форме. Эта часть словарной статьи сама по себе важна и содержательна. Очень интересно, например, узнать, что знаменитое название *Аустерлиц* — это лишь позднейшая немецкая перестройка исходного славянского топонима *Новоседлице* и что ныне данное селение носит название *Славков* — более позднее, но тем не менее фигурирующее в документах с XIV в. (с. 274).

Но история — лишь подготовительный

этап для этимологии названия (либо названий — если их несколько). Этимологический аспект топонимического словаря является, несомненно, главным, и поэтому о нем следует сказать особо. Позицию авторов в этом вопросе можно определить как этимологический реализм. Они не увлекаются этимологической научной фантастикой, нередкой в топонимических исследованиях, и не стараются извлечь из топонимов больше исторической информации, чем ее там содержится. Учет истории названия, его документации и существующих либо существовавших вариантов позволяет более строго и достоверно этимологизировать каждый топоним. При этом исследователи не уклоняются от замечаний такого рода, что, скажем, происхождение топонима *Прага* «до сих пор вполне удовлетворительно не объяснено» (с. 245), а иногда и вообще ограничиваются комментарием: «Происхождение названия не совсем ясно».

Этимология по преимуществу дается одна, но подчас сообщается, особенно в спорных случаях, сводка разных толкований топонима. В целом этимологии, избранные или предложенные авторами словаря, приемлемы и надежны. Но, разумеется, в работах такого рода не может не быть дискуссионных моментов. В частности, рецензенту представляется, что увязывание этимологического смысла топонима с его словообразовательной структурой проведено в словаре в отдельных случаях слишком прямолинейно, однозначно. Между тем топонимические суффиксы, как известно, могут со временем выходить за рамки первоначально весьма четких мотивационных ситуаций, семантически абстрагируясь и приобретая самый общий смысл указания на тип географического объекта.

Так, суффиксы *-ice*, *-ovice*, вне всякого сомнения, служили для обозначения людей, зависящих от какого-то лица (названного мотивирующей основой топонима): *Лидице* — «село людей Люда» и т. д. Но обязательно ли в каждом ойкониме на *-ice*, *-ovice* видеть этот смысл? В случаях *Кошице* (с. 155—156), *Левице* (с. 174), например, он более чем сомнителен. Суффикс здесь имеет общетопонимический смысл, так как в первых фиксациях названных ойконимов этого суффикса еще не было.

Сомнения возникают и относительно трактовки речных названий с суффиксом *-ava*. В гидронимах *Морава*, *Опава*, *Влтава* происхождение этого суффикса из герм. *ahwa* «вода» (> *aha* > *ai* > слав. *-ava*) можно считать хорошо обоснованным. В двух первых названиях, относящихся к древнейшему, так называемому староевропейскому пласту, германский компонент наслоился позднее в качестве перевода, а в названии *Влтава* он является частью германского композита **Wiltah-ahwa* «стремительная вода (река)» (с. 333).

Но авторы словаря обобщают эти слу-

чаи и переносят их как будто бы на все гидронимы с *-ava*, например, *Русава* (с. 263), *Свитава* (с. 290), *Виднава* (с. 329) и др. Однако такое обобщение сомнительно. В славянском мире за пределами ЧССР много топонимов на *-ava* (ср. *Сучава*, *Полтава* и т. д.), которые имеют слишком древнюю документацию, чтобы видеть в них распространение «германизма» *-ava* после его славянской топонимизации, и слишком обширную локализацию, чтобы рассматривать их как прямое продолжение germ. *ahwa*. Не проще ли предположить, что славяне имели древний гидроформант *-ava*, независимый от germ. *ahwa*, и что наличие этого гидроформанта облегчило и обусловило адаптацию германизмов типа *Влтава*?

Говоря об этимологиях отдельных названий, отметим, что происхождение интересного ойконима *Конепрусы* описывается слишком неясно, запутанно (с. 153). Совсем не определена генетическая языковая принадлежность оронима *Татры* (с. 300), который во вступительной статье отнесен к дославянским (с. 27). В интерпретации этого названия не использован украинский географический термин *товтри* «известняковые гряды». Название города *Острава* в словаре объясняется из реки *Остравы*, но этимология гидронима вообще отсутствует. Для гидронима *Ваг*, однозначно отнесенного во вступлении (с. 27 и 40) к дославянским субстратным названиям, словарь параллельно с германской предлагает также неплохо мотивированную славянскую этимологию (с. 320).

Отдельные недосмотры не снижают общего очень высокого этимологического уровня рецензируемой работы. Что в этой связи воспринимается как заметный недочет, так это отсутствие фамилий, отсутствие указаний авторства этимологий. Составители словаря во многих случаях предложили свои собственные интерпретации. Но есть, вполне естественно, также и немало фактов использования уже существующих этимологий, которые составителями рецензируемого словаря лишь повторяются (с отбором и оценкой этимологий, а иногда и с привлечением дополнительной аргументации). И в этих случаях следовало бы назвать ученого, предложившего этимологию. Это не только повысило бы научную ценность издания, но и позволило бы четко определить тот вклад в этимологизацию чешской и словацкой топонимии, который внесли авторы словаря.

Собственно словарная часть исследования предваряется содержательными общими вступительными материалами, которые включают краткое описание состава и структуры словаря (Предисловие, с. 9—11), очень ценную характеристику этнической истории земель Чехии и Словакии с элементами языковой и хронологической стратификации топонимов («История заселения Чехословакии и хронология топонимических типов», с. 13—20), общий анализ сущности топонимов как имен собственных («Характеристика системы и общественной функции географических названий», с. 20—27), семантическую классификацию географических

названий в частичном сочетании с их словообразовательной группировкой («Перечень основных типов географических названий в чешском и словацком языках», с. 28—40), образцы топонимических карт (всего 10 карт, посвященных отдельным топонимическим явлениям, с. 29—39), «Список сокращений и условных знаков» (с. 41—42) и «Словарик употребленных терминов» (с. 43—44).

В этих вступительных материалах, в частности, сообщается, что на территории Чехословакии славяне появились в начале VI в. (в восточной Словакии — несколько раньше) и уже с начала VII в. этнический состав населения стал почти исключительно славянским (с. 14—15). Предшественниками славян на этих землях были, в последних веках до нашей эры, кельтские племена. Одно из них, племя боев, оставило по себе память в хорониме *Batahaim* > *Bohemia* «Чехия», образовавшемся уже на германской почве. Перед началом нашей эры кельты были вытеснены с этой территории германскими племенами — прежде всего маркоманами и квадами. Германский топонимический субстрат представлен в Чехословакии рядом названий, по преимуществу рек и гор. Наряду с древнейшими, дославянскими германизмами, в топонимии Чехословакии имеется немало более поздних названий немецкого происхождения, явившихся результатом длительных славяно-германских языковых контактов (с. 27).

Предложенная в рецензируемом исследовании классификация географических названий традиционна для топонимистов ЧССР и основывается преимущественно на идеях В. Шмиллауэра. Все географические названия членятся по своему топонимическому значению на два класса — названия населенных мест (*místní jména*) и названия ненаселенных мест (*pomístní jména*), которые разделяются в свою очередь по этимологическому, дотопонимическому значению, на 13 групп, из которых первые 4 относятся к названиям населенных мест, а остальные — к названиям ненаселенных мест. Каждая из 13 групп содержит дальнейшую более или менее детализированную семантическую рубрику, причем в первых двух группах («название жителей» и «отношение к лигу») — и только в них — эта рубрикация сопровождается перечнем основных словообразовательных средств, обслуживающих данную семантическую подгруппу.

Это — хорошая, продуманная классификация. Но она, как, впрочем, и все другие из ныне сохраняющихся в ономастическом обиходе, имеет свои слабые, уязвимые стороны. Среди них — нарушение единства принципа классификации. Наряду с собственно семантическими группами в составе первого топонимического класса выделяется группа «иноязычные имена», а в составе второго класса — группа «остальные имена» (где наряду с разрядом неясных выступают все те же иноязычные имена). Но ведь все иноязычные имена тоже имеют свою мотивацию, свой этимологический смысл! Например, смысл ойконимов

Варнсдорф, Карлштейн адресует их группе «отношение к лицу», точно так же ойконимы *Вамберг, Кромпахи* по смыслу должны фигурировать в группе «вещественное обозначение» (т. е. топонимическая метонимия) и т. д.

При этом вторичное использование иноязычных топонимов для номинации географических объектов на метафорической основе непоследовательно включает-ся то в группу «иноязычные имена» (*Табор*, с. 33), то в соответствующую семантическую группу. Например, топоним *Америка* фигурирует в подгруппе «удаленность» группы «общее отношение и свойство» (с. 37). Судя по иллюстративному материалу, метафоры в классификации вообще редко принимаются во внимание. Так, название *Кобыла*, входящее в топонимию обычно в качестве географического термина, а не названия животного, приведено тем не менее в группе «животные» (с. 40). Названия явно одного ряда, идущие от указания на температуру воды, — *Тепlice* и *Studenec* — оказались в классификации в разных рубриках (с. 33).

Включенные в исследование топонимические карты интересны, составлены они квалифицированно. Но карты эти слишком уже автономны: они никак не связаны с текстом словаря. Было бы уместным и желательным как-то прокомментировать эти карты во вступлениях (или отдельных текстах), сослаться на них в соответствующих словарных статьях. Отметим также, что карты № 3 и № 9 посвящены ареалам несущественных для топонимики фонетических различий. При этом на карте № 3 рассмотрен суффикс *-агу*, *-агу* «служебных» названий населенных мест (*Бечвары*, т. е. «Бочары» и т. д.). Но разве суффикс *-агу*, *-агу*

имеет какое-либо отношение к топонимическому словообразованию? Он образовывал названия лиц по профессии, т. е. действовал на дотопонимической стадии, а уже эти готовые названия могли становиться именами селений по феодальной повинности либо преимущественному занятию жителей. Приведенная в словаре классификационная схема совершенно справедливо отмечает, что «служебные» названия образовывались просто формой множественного числа (с. 28). И ойконим *Бечвары* образован точно так же, как, скажем, ойконим *Златники*. Выделение здесь суффикса *-ары* попросту неправомерно. Отметим, кстати, что и суффикс *-на*, выделяемый авторами в качестве топонимического (с. 22), не всегда является таковым. Во всяком случае, название части города Брно *Lesná* взято от готового, существующего в чешском языке прилагательного *lesní*, а не специально образовано топонимическим суффиксом *-ná* от существительного *les*.

В целом же топонимический словарь И. Люттерера, М. Майтана и Р. Шрамка «Географические названия Чехословакии» — явление выдающееся, важный этап и своеобразный итог большой и многоплановой исследовательской работы чешских и словацких ономастов. Специалисты получили ценную и надежную сводку современных данных по истории и этимологии важнейших топонимов ЧССР. Читатели-неспециалисты, которым под видом топонимики обычно предлагается лишь набор наивных «туристских легенд», имеют, наконец, достоверное, доступное и вместе с тем глубоко научное описание рождения и жизни географических названий.

Карпенко Ю. А.

Копыленко М. М., Саина С. Т. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. — Алма-Ата: Наука, 1982. 112 с.

Работа М. М. Копыленко и С. Т. Саиной представляет собой оригинальное социалингвистическое исследование синхронного состояния казахско-русского двуязычия в четырех областях Казахской ССР (Алма-Атинской, Семипалатинской, Кокчетавской и Кызыл-Ординской), выполненное методом анкетирования с применением способа квот. Всего было роздано свыше 4,5 тыс. анкет. Полученные ответы были обработаны на ЭВМ и представлены в виде различных таблиц и схем, на материале которых проводился содержательный анализ данных, делались необходимые обобщения и выводы.

Новаторский характер данной монографии может быть понят на основе сравнения с подобными исследованиями как в нашей стране, так и за рубежом. Так, например, изучение двуязычия американскими социалингвистами (Дж. Фишман и др.) опирается на теорию «малых групп» (семья, профессиональная группа)

и не позволяет сделать обобщения относительно целого региона или страны. С другой стороны, широкий подход ряда отечественных социалингвистов, основанный на данных переписи населения и соотношения языковой продукции на различных языках (количество издаваемых книг, газет, журналов, радиопередач и т. п.), несколько оттеснял самих носителей двуязычия.

Выяснение роли русского и казахского языков в различных социальных ситуациях и в устах различных слоев казахского населения — основная задача рецензируемой работы. Для решения данной задачи авторы разработали оригинальную анкету из 13 так называемых «закрытых вопросов», подразумевающих получение стандартных ответов более чем по 50 позициям.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, введения, пяти глав, заключения и приложения.